

вложи въ нихъ свѣтъ Твой, если они способны его принять, пока тьма адская совсѣмъ не покрыла ихъ.

* * *

Какъ вѣтки живого дерева (Всел. Симв. Вѣры), Толстой посѣкъ своимъ дерзкимъ перомъ всѣ члены христіанскаго Символа Вѣры, и хочетъ неистово, бѣшено хочетъ лишить челоуѣчество и особенно христіанскій міръ спасительной вѣры, доставляющей всякому искренно вѣрующему величайшее утѣшеніе и опору во всѣхъ трудностяхъ и скорбяхъ жизни. Прелазяй инудѣ (незаконнымъ путемъ), той тать есть и разбойникъ (Іоан. 10, 1). Толстой вторгается во дворъ овчій церкви православной подпольнымъ путемъ, печатая свои богохульные писанія за границей, въ Англии, и распространяя ихъ въ Россіи десятками тысячъ. Это настоящій тать и разбойникъ. По плодамъ его всякій вѣрующій можетъ узнать, что онъ именно таковъ. Не собираютъ смоквъ съ терновника и не снимаютъ винограда съ кустарника (Лук., 6, 44).

* * *

Толстой находится въ умственномъ непроглядномъ туманѣ, или во тьмѣ и сѣни смертнѣй — и это среди солнечнаго Евангельскаго дня — и хочетъ на всѣхъ навести этотъ туманъ, эту тѣнь смертную.

Онъ не признаетъ откровеній, не вѣритъ въ богодуховенность Св. Писанія и считаетъ его за сказку, церковную исторію — тоже: — все ученіе Богооткровенное считаетъ за ложь, а себя одного, свой разумъ, свое слово — одно свое слово за истину (свои рыканія, свои сочиненія). Не вѣритъ онъ, что А есть А, и учитъ, что всѣ исповѣдующіе христіанскую вѣру — заблудившіеся, обманутые, или самообманувшіеся, что они жертвы гипноза, что имъ надо пробудиться, чтобы познать толстовскія бредни, а по его понятію, истину, — чтобы почестъ за источникъ совершенства челоуѣчскій мнимо-философскій разумъ и романическія бредни ученыхъ нехристей.

* * *

И бѣсы вѣрують въ Бога и трепещуть (Іак. 2, 19), а Толстой не вѣруеть въ Бога, а только въ таинственное, безличное начало; и въ своихъ умствованіяхъ доходить до абсурда. Какое намѣреніе его въ своихъ макулатурахъ, дышащихъ крайней ненавистью противъ церкви? — Потрясти церковь въ основаніи, разрушивъ